

Ч И Т А Й Т Е Р О М А Н Ы
К О Р О Л Е В Ы П С И Х О Л О Г И Ч Е С К О Й И Н Т Р И Г И

А Н Н Ы Д А Н И Л О В О Й

- Когда меня не стало
Крылья страха
Выхожу тебя искать
Волчья ягода
Мне давно хотелось убить.
Савап для блудниц
Черное платье на десерт
Девушка по вызову
Руконься, написанная кровью
Парик для дамы пик
Пикник на красной траве
Шоколадный паж
Роспись по телу
Этюд в розовых тонах
Последняя защита адвоката,
или Шлопешевый свидетель
Услуги особого рода
Яд Фаберже
Комната смеха
Мальтийский ашельсин
Виртуальный муж
Японская молитва
Цветы абсолютного зла
Страпа кривого зазеркалья
Платиновая леди
Танцующая на волнах
Свергнутая с небес
Гламурная невинность
Древний инстинкт
Женщина-ветер
Пирвана с привкусом ида
Правда о первой почке
Дама из Амстердама
Игры с темным прошлым
- Властелин на час
Белоснежный лайнер в другую
жизнь
Бронзовое облако
Самый близкий демон
Первая жена Иуды
Delete
Хропки Розмари
Солнце в ночном небе
Ледяное ложе для брачной
почы
Подарок от злого сердца
День без любви
Печальная принцесса
Призрак Монро
Перенковый мед Матильды
Издержки богемной жизни
Вспомни обо мне
Красное на голубом
Сердце химеры
Госпожа Кофе
Дождь тигровых орхидей
Миф Коко Ванча
Одинокие почки вдвоем
Алый шар луны
Черника на снегу
Девять жизней Греты
Смерть отключает телефон
Шестой грех
Меня зовут Джейн
Звезды свидетели
Витамины любви
Две линии судьбы
Когда остановится сердце
Призраки зпают все

Аромат желания
За спиной — двери в ад
Тайная любовь Коннерфильда
Любовница не по карману
Красивая, богатая, мертвая...
Пожиратели таланта
Черный пасодобль
Серебряная пуля в сердце
Незнакомка до востребования
Ангел в яблоневом саду
Из жизни жен и любовниц
Тринадцатая гостья

Прекрасный возраст, чтобы
умереть
Приговорешный к жизни
Признания грешницы
Дом на берегу ночи
Ведьма с зелеными глазами
Плешница чужих иллюзий
Девушка, не умеющая
ненавидеть
Цветок предательства
Мышь для темного ангела

АННА ДАНИЛОВА

Когда игра во Фрейда затягивается...

ГРЕХ И НЕМНОЖКО НЕЖНО

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Оформление серии *С. Прохоровой*

В оформлении обложки использованы фотографии:
Vadim Georgiev, Alexander Levitsky, sakkmasterke / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Данилова, Анна Васильевна.
Д18 **Грех и немножко нежно : [роман] / Анна Данилова.** — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-699-95526-8

Тихий городок на берегу Волги кажется уголком рая — ничего серьезнее курортного флирта здесь просто не может случиться. Об изнанке этого рая никто бы не догадался, если бы Маша не решила провести здесь каникулы и не узнала о кладе, зарытом на старом немецком кладбище. Тайна, которой больше ста лет, словно запускает разрушительный механизм: измены, ссоры, кражи, предательства сотрясают город, не привыкший к такому накалу страстей. Убиты две девушки, на очереди Маша — такое ощущение, будто не человеческая рука, а сам ненасытный рок, обидевшись на тех, кто потревожил древние секреты, мстит за них людям...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95526-8

© Дубчак А.В., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Посвящается моей маме

Все события, представленные в романе, вымышлены, и совпадения сюжета и жизни персонажей с реальными людьми — случайность.

1. Кира

Казалось бы, еще совсем недавно она слышала ленивые насмешки Иды, отпускаемые ею исключительно из желания как-то по-доброму повлиять на нее, на свою подругу Киру, стоящую посреди большой кухни и мокрой тряпкой тщательно протирающую липкую баночку со свежим персиковым вареньем:

— Что, снова к своему краеведу пошла, да? Вареньице понесешь? Пирог наверняка испекла, да? С яблоками? А... Со сливами, ну что ж, тоже ничего... И что будет после того, как он его съест? Думаешь, женится на тебе с разбегу? Съест и ляжет переваривать на диван перед телевизором. Все! Думаю, что он о тебе даже и не вспомнит!

Ида стряхнула пепел с сигареты в пепельницу, поправила свои мягкие блестящие каштановые локоны.

Кухня была залита солнцем, в распахнутое окно заглядывала ветка американского клена и

покачивалась, словно соглашаясь с каждым произнесенным Идой словом.

Кира же, растрепанная, с кое-как заколотыми прядями выющихся русых волос, в белой шелковой блузке, застегнутой на мелкие круглые жемчужные пуговицы, и черной шерстяной юбке продолжала протирать маленькую пузатую баночку с персиковым вареньем, но уже истерично, нервно, протестуя против вмешательства подружки в свою личную жизнь.

— А что мне еще ему принести? — Ноздри Киры раздувались, она пыхла и сопела как ребенок, хотя ей было уже тридцать два.

— Кирочка, да ты бы лучше пришла к нему и разделась, легла бы на кровать... Вот тогда, глядишь, твой Юрочка и обратил бы на тебя внимание. Уж не знаю, как бы там дальше все развивалось, но уж тогда бы он точно увидел в тебе женщину.

— Профурсетка ты, Идка! Глупости такие мне говоришь... Да что он подумает обо мне, если я разденусь? Скажет, что я...

— Думаю, он оценит твою красивую грудь, которую ты постоянно прячешь, наглухо застегиваясь... Ты же даже и не пробовала носить декольте! Думаю, он увидит твои стройные ножки, которые ты скрываешь под длинными юбками и уродуешь «балетками» без каблуков, вместо того чтобы встать на тоненькие шпильки... Уверена, что он не забудет твои дивные плечи, твою прекрасную кожу... И очки надо сменить, куда это — роговая

оправа — грубятина, жуть!!! А еще лучше — купи себе линзы!

Кира, уже привыкшая к подобным разговорам, быстро успокоилась и принялась нарезать на куски пирог с творогом и укладывать его в пластиковый контейнер.

— С изюмом? — спросила Ида, вставая и потягиваясь. — Дай-ка сюда кусочек!

Она стянула с противня большой кусок пирога и надкусила.

— Пирог — супер! Просто объеденье...

Это было тихое августовское утро, за окном заливались птицы, небо словно подернуто золотистой дымкой, день наливался зноем, и все вокруг дышало ленью.

И кто бы мог подумать, что в скором времени Кира вернется к себе домой бледная как смерть, кинется в угол темной прихожей и замрет, прислушиваясь к своему дыханию и биению сердца, которое, как ей тогда казалось, может остановиться в любую минуту. А потом как полоумная примется носиться по квартире, не зная, с чего начать уничтожать следы крови, которой будут выпачканы ее белые «балетки», рукава белой шелковой блузки и даже щека!

Квартира заполнится запахом хлорки, мыла, духов, которые она выльет на себя из желания вытравить запах смерти.

— Фу, ну и «ароматы» у тебя тут! — возмутилась забежавшая «на пять минут» подружка (она

же и соседка дверь в дверь) Ида Зийбель в шесть вечера. — Хоть всех святых выноси!

Она выглядела по-вечернему нарядно, в черном платье с открытой спиной, с уложенными волосами, в меру подкрашенная, вся какая-то праздничная, в прекрасном расположении духа, какое всегда предшествует свиданию с женщиной. И если прежде, видя Иду в такие моменты, Кира всегда радовалась ее приходу и даже пыталась представить себе какие-то детали свидания (улыбку почему-то синеглазого мужчины, ресторан, залитую розовым светом ночника постель с полуобнаженными женщиной и женщиной), то в тот вечер ей захотелось даже заскулить от досады и отчаяния, поскольку она просто не знала, как себя вести с подругой, какую скроить мину.

Лгать было не в ее привычках и не соответствовало ее принципам. Рассказывать правду она тем более не могла. Оставалось одно — замолчать все, что произошло. Но как себя при этом вести, о чем говорить? Делать вид, что ничего вообще не случилось, ей вряд ли удастся.

— Так чего так хлоркой-то воняет? — Ида вошла в кухню, достала сигарету и закурила. Задав вопрос, она явно не надеялась получить ответ.

— Генеральную уборку затеяла, — придушенным голосом сказала Кира, зачем-то доставая из холодильника капусту. — Духи опрокинула... Вот поэтому такие запахи...

— Ну, тогда рассказывай, подружка, как прошло свидание? Он оценил твой пирог, варенье?

— Ты же знаешь, Ида, он при мне никогда не ест. Мы просто поговорили... ни о чем... как всегда... Он сказал, что очень спешит, что у него какая-то комиссия в музее, и мы с ним вышли из квартиры. Он пошел в одну сторону, я — в другую. А еще я подумала, что ты, наверное, права, и он никогда меня не полюбит, — Кира специально принялась развивать эту болезную для нее тему, в надежде что хотя бы она будет звучать естественно и ей не придется фальшивить.

— Этих мужчин никогда не поймешь, особенно таких тихих и опасных «ботаников», как твой Юрий Михайлович. Мне кажется, что он вообще какой-то недоделанный и у него в штанах вместо члена какой-нибудь древний свиток. А еще, ты не обижайся, конечно, но у него какой-то грязноватый вид, несвежая рубашка, сальные волосы, да и взгляд какой-то грязненький...

— Хватит, Ида! Просто он другой, вот и все! — воскликнула она с жаром. — Он — ученый, историк, у него голова занята его работой, наукой...

— ...и забита пылью! — весело расхохоталась Ида. — Говорю же, не обижайся! Но мне действительно кажется, что ты могла бы найти себе более подходящую кандидатуру в мужа или в любовники...

— Любовники... — вспыхнула Кира. — Вот снова ты об этом. Он — не такой!

— Ты же ничего о нем не знаешь, совсем ничего!

— Почему же? Знаю. Он не женат, ведет очень скромный образ жизни, много читает, изучает

древние книги, постоянно наводит порядок в нашем музее, все что-то подклеивает, подшивает, рассортировывает, подписывает, систематизирует... Я просто хочу сказать, что он старается для потомков, чтобы они знали о нашем городе и крае как можно больше! Если не он, то кто расскажет им о том, что было до нас и с нами? Ты вот, к примеру, не знаешь, что он готовит сейчас новую экспозицию, где будет представлен сегодняшний день... Это безумно интересно! Вот как один из залов нашего музея оформлен в виде комнаты девятнадцатого века, со старинной мебелью, утварью, а в стеклянных шкафах демонстрируется одежда того времени, так будет и с современным вариантом. Поскольку музей существует на те крохи, что ему отпускает государство, и этих денег едва хватает на поддержание помещения, охрану и зарплату двум работникам — Юрию Михайловичу и Елизавете Вальтеровне, смотрительнице, которая является одновременно и уборщицей, то Юрию Михайловичу пришлось для создания своей новой экспозиции самому собирать всю мебель, посуду, бытовую технику, одежду...

— Знаю-знаю, ты же помогала ему, отдала свою старую куртку, резиновые сапоги, сломанный миксер...

— Да, ну и что такого? Может быть, через сто лет эти предметы на самом деле будут интересны нашим потомкам...

— Ох и скучная же ты, Кирка...

— Может, я и скучная, но где-то в глубине души ты понимаешь меня, — с надеждой проговорила она, заглядывая в красивые глаза подруги.

— Знаешь, иногда мне кажется, что мы с тобой потому и дружим, что такие разные... Может, я и говорю тебе какие-то обидные вещи, но любя... А еще... ты как будто отрезвляешь меня... не знаю, как выразить... Сдерживаешь, что ли... и не даешь мне окончательно провалиться в пропасть... — сказала она неожиданно даже для себя искренне. — Так что не парься, я тебя очень люблю. Просто не хочу, чтобы ты вышла замуж за этого страшненького Юрия Михайловича. К тому же он не обращает на тебя никакого внимания! У тебя гордость-то есть? В нашем городе полно молодежи, тебе всего-то тридцать...

— Тридцать два.

— Да какая разница! Мы с тобой ровесницы, да только у меня вон сколько мужиков, а у тебя не было ни одного!

Кира почувствовала, как горячая волна накрыла ее с головой. Что она знала, Ида, о ее мужчинах? Вернее, о ее единственном мужчине, который сделал из нее женщину в физиологическом смысле этого слова, растревожил сердце и душу, а теперь вот делает вид, что они едва знакомы?!

Это было на Новый год, на праздничном вечере, который устраивала администрация Зульштата своим жителям. Один из самых крупных городов бывшей республики немцев, Поволжья, потерявший, однако, практически весь свой немецкий

колорит, а заодно и трепетное отношение к своему католическому собору, Зульштат под руководством советской власти превратил его в городской клуб, где и проводились общегородские мероприятия. Новогодний бал в стенах бывшего католического собора с высоким сводчатым потолком проходил торжественно, с нарядно украшенными стенами и елкой, накрытыми столиками и концертом. Только самые ленивые жители отказывались принять участие в этом празднике и встречали Новый год у себя дома. Весь же цвет города, его «аристократическая, интеллигентная» верхушка (чиновники, учителя, руководители предприятий и бизнесмены) заранее раскупали билеты. К празднику дамы шили новые наряды, мужчины покупали костюмы, в столовой администрации готовили закуски, а в городской кондитерской пекли торты и пирожные. Вот на таком балу и встретились Кира Бирман и Юрий Михайлович Ланг, потомки старинных немецких семей, проживавших в Зульштате, случайно оказавшиеся за одним столиком. Столик был рассчитан на четверых, однако два места пустовали. Получалось, что Новый год они встретили вдвоем, чокнулись бокалами, улыбнулись друг другу под громкую музыку и какой-то искусственный голос ведущего вечера.

Кира и сама не поняла, как это вышло, что она не рассчитала с алкоголем, пила шампанское, как лимонад, скромно закусывая красной рыбкой, тортом и осторожно поглядывая на одинокого, скучающего вида соседа, лихо опрокидывавшего

в себя водку из маленькой рюмочки, после чего проснулась в чужой темной квартире ранним утром, голая, с больной головой... Собирала по полу трусы, теплые рейтузы, а бархатное длинное платье винного цвета вообще нашла в прихожей, на полке с обувью...

Бежала по фиолетовым сумеркам до своего дома так быстро, что ноги не успели замерзнуть. Где оставила сапоги? Где, кому подарила девственность, так и не поняла... Это позже, случайно, проходя мимо краеведческого музея, увидела, как мужчина, в квартире которого она проснулась и имени которого не знала, входит в парадную дверь. Проследив за ним до его кабинета, она узнала, что он является директором музея и что зовут его, как следовало из надписи на табличке, Юрий Михайлович Ланг.

Увидев Киру в дверях своего кабинета, Юрий Михайлович сначала долго вглядывался в нее, пытаясь, видимо, вспомнить, где же он видел эту женщину в кроликовой шубе и нахлобученном на голову капюшоне, но на всякий случай кивнул головой и спросил, что ей нужно.

— Да вот, зашла в ваш музей... первый раз, — соврала Кира, посещавшая музей, еще будучи школьницей младших классов.

Она ждала от него хотя бы какого-нибудь проявления ласки, теплого слова, но Ланг пожал плечами и отправил ее к смотрительнице Елизавете Вальтеровне, мол, она вам все покажет и расскажет. И углубился в чтение какой-то книги.

Он ее так и не вспомнил!

Музей она в тот раз обошла весь под стрекотанье смотрительницы, высокой сухой старушечки, талантливого экскурсовода. А через пару дней снова пришла в музей, постучалась к Лангу. Вошла, села напротив него и, глядя ему прямо в глаза, спросила: «Где сапоги?»

Он смотрел на нее поверх своих очков некоторое время, потом глаза его стали расширяться, а на носу выступили капли испарины.

— Так это вы? — шепотом произнес он, доставая носовой платок и промокая им свое круглое розовое лицо.

— Да, это я. С Новым годом, Юрий Михайлович, — с легким упреком произнесла Кира и склонила голову набок в ожидании ответа и нормальной уже реакции мужчины на визит любовницы.

— Сапоги у меня, я нашел их под кроватью и готов вернуть, когда вам будет угодно. Вы уж извините, что я вас не узнал... Сам не знаю, почему все так случилось... Выпил лишнего... Закусок было много, и я не думал, что меня так развезет... Да я вообще думал, что вы мне приснились!

— Вообще-то меня зовут Кира.

— Очень приятно, Кира.

— Если удобно, я могу прийти к вам сегодня вечером за сапогами, — храбро предложила она, в душе желая попытаться продолжить отношения.

— Нет-нет, не стоит себя утруждать... — Он часто и мелко замахал руками, словно загребая снег. — Вы приходите завтра в это же время, утром,

сюда, и я верну вам ваши сапоги... постойте, но как же вы тогда дошли до дому?

— Выпила воды, разбавила винные пары... — улыбнулась она, — и добежала... как пьяная была...

Но даже ее улыбка не повлияла на температуру их отношений.

— Вы извините, но я сейчас очень занят...

Кира целый день действительно ходила как пьяная, представляя себе их новое свидание. Она знала из книг и рассказов своей подруги Иды, что мужчины в большинстве своем существа в себе неуверенные, нерешительные, и что их «нужно брать». Кире хотелось нормальных отношений, мужа, детей, и она решила действовать.

Для начала испекла пирог с замороженной вишней, завернула в новое кухонное полотенце с вышивкой и положила в сумочку.

Вымылась, уложила феном волосы, надела новую белую блузку, черную юбку из дорогой английской шерсти (мама надевала ее всего-то пару раз, незадолго до смерти), черные итальянские колготки, ботинки на меху, набросила шубку и побежала к Лангу.

Он встретил ее в домашних широких штанах с отвисшими коленями, шлепанцах на босу ногу и просторной полосатой рубашке. Увидев Киру, Ланг нахмурился.

— Проходите, — наконец сказал он, впуская ее к себе.

Если бы Кира могла читать мысли, то прочла бы его сильнейшее нежелание видеть ее и вспо-